

В. В. СТАСОВ

**ИЗБРАННЫЕ
СОЧИНЕНИЯ**

3

ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. В. Стасов. Избранные сочинения в трех томах. Живопись, скульптура, музыка. Том третий // Государственное издательство "Искусство", Москва, 1952

FB2: "rvvg ", 27 November 2013, version 1.0

UUID: 103D891F-BB79-46AA-AC9E-93D0CA4E0530

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Владимир Васильевич Стасов

Нищие духом (Художественная критика)

историк искусства и литературы, музыкальный и художественный критик и археолог.

Содержание

#1	0005
КОММЕНТАРИИ	0025

В. В. Стасов
Нищие духом

Какова затея! Нас хотят перекрестить в новую веру по части искусства! Кто хочет? Зачем хочет? Хотят декаденты. Зачем хотят — затем, что истинного искусства, нераскольничьего, недекадентского не понимают и понимать не могут. Ну, вот им смерть и хочется всех в свой раскол перетянуть.

Они затеяли декадентский журнал издавать и, в виде программы, заблаговременно объявляли в печати: «Мы (русские) представляемся в Европе чем-то устаревшим и заснувшим на отживших преданиях», «наши художественные произведения, несмотря на талант, совершенно игнорируются тамошней критикой и публикой, считаются *vieux jeu* чем-то вроде надоевшей итальянской арии».

Вместо того, чтобы смеяться на такие несообразные глупости, у нас нашлись люди, которые перепугались «страшных» слов, пришли в ужас от боязни попасть впросак, попасть не в такт, что-то исповедывать «вопреки Европе», наперекор тому, что в хороших местах, у бар, делается. И они печально кивали головами и подумывали, как бы поскорее переехать в хороший лагерь, где настоящие

бары, где господа живут.

Итак, еще новый раз — подлая страсть обезьянничанья на сцене, трусливая дрожь перед тем, что в Европе делается?

Да, по крайней мере, хоть бы во всем тут была хоть одна черточка правды! Хоть единая крупинка действительно существующего! Но ведь этого вовсе нет! Все высказываемое тут декадентами — только фальшь, ложь. Никогда Европа не считала русского искусства устаревшим и заснувшим, а, напротив, всегда считала и считает его молодым, лишь недавно выступившим и имеющим впереди великое будущее. Нет нынче ни одной сколько-нибудь значительной художественной выставки в Европе, куда не приглашали бы, еще задолго до выставки, наших художников, где им не давали бы почетного места, где не ценили бы их, где не помещали бы в художественных изданиях лучшие их произведения, — а их много. В продолжение последних десятилетий можно перечислить, можно указать множество, целое огромное количество статей и рисунков, где говорится о наших картинах и статуях, где они воспроизводятся

с почетом и симпатией. Если взять одних только Репина, Верещагина и Антокольского, то список всего о них написанного и с них нарисованного не только в Европе, но и в Америке — огромен. Бесчисленное множество раз их сравнивали с западными художниками и нередко ставили их не только с теми наравне, но еще даже иногда и выше. Все это факты, всем у нас известные, — и вдруг декаденты имеют наглость печатно уверять, что наших художников игнорируют на Западе, находят их произведения устаревшими, совершенно их игнорируют!

Какова дерзость!

Конечно, русские художественные создания должны быть противны, враждебны иностранным декадентам столько же, как и нашим — декаденты везде декаденты, у них везде умы, понятия и вкусы одинаковы, но ведь для этого народа закон не писан, и они могут объявлять, восклицать и говорить что им угодно — на других они влияния иметь не могут.

Западным людям их декаденты столько же противны и тошны, как нам наши, и они от

них отплевываются с такой же досадой и негодованием, как мы от наших. Выставлять нам, благо «поверят, дескать, дурачки», выставлять нам всех европейцев с собою будто бы солидарными — это есть только непрости- тельная фальшь, гадкий непозволительный маневр.

Разве у нас, в России, выдуманы слова «декадент», «декадентство»? Никогда. Они придуманы на Западе, и их назначение — клеймить ту секту, которая большинству людей противна, гадка и невыносима, как безобразие, как насилдование природы, как искажение ее, как поклонение тому, что безумно по содержанию и бестолково по форме. Посмотрите, что пишут про декадентов литературных на Западе. «Revue Encyclopédique» говорит: «У декадентов вся их поэзия только из того и состоит, что темно, что невероятно и совершенно непонятно. Они игнорируют природу и естественность, они игнорируют сердце человеческое, науку, общественную жизнь... Школа Верлена ничего другого не на- родила, кроме уродства и пустяков... У симво- листов нет ни идеи, ни чувства, ни цели, ни-

чего-ничего, кроме беспредельной галиматии. Обещанная реформа кончилась только выкидышами...» Известный историк литературы, Эдуард Энгель, резюмируя все, что до него писано было о декадентах, восклицает: «В начале 80-х годов вдруг появилась во Франции группа стихотворцев, все только юнцов, с совершенно неизвестными именами, которые вдруг запели на совершенно новые голоса. Они упорно повторяли: „Все, что раньше нас было писано по части поэзии, ничего не стоит, литература начинается только с нас“. Их трогательное „камрадство“, состоявшее в том, что один говорил про другого, что подобного гения никогда более не будет на свете, привело к тому, что они составили как будто и настоящую школу... Они наполнены были мыслью: старая речь, старые формы выжили, устарели. Ни натурализма, ни реализма они не хотели знать. Вон из непоэтической действительности, куда-нибудь в облака (ins Blaue), в темноту! Поэзия не должна быть ясна!» Юноши пустились в мистику, настоящую и фальшивую, в мистику модную. Они говорили: «Мы хотим быть непонятны, мы хотим

быть темны: вся настоящая поэзия такова...» Приведя затем, для примера, множество цитат из безобразных текстов Верлена, Малларме, Рембо, Гиля, Мерриля, Метерлинка и других и указав такие беспутные их выражения, как... *flammes végétales, palmes lentes, deuils verts de l'amour, ies cerfs blancs des mensonges* (сущая речь человека в белой горячке), Энгель заключал так: «Конечно, через немного лет все это декадентское и символическое движение провалится само собою, и это вследствие равнодушия публики и скуки, навеянной на нее и на печать: и для публики, и для печати все это было чем-то вроде новой моды. Но придет другая мода, еще новее — никто не может отгадать, до какого сумасбродства может дойти эта новая мода, а куда это так, современному историку литературы нечего заботиться о той французской лирике, которая будет основываться на таких модах...»

Но во Франции безумия литературные вызвали и безумия художественные. Все, чем щеголяли декаденты литературные, тем стали щеголять тотчас и декаденты художе-

ственные. И эти тоже попробовали уверять публику, что все прежнее художество никуда не годится и окончательно сошло со сцены, а настоящее художество начинается только с них, и что таких гениев, как их товарищи, не бывало и не будет никогда. Содержания никакого для художества не надо, а должно довольствоваться только тем, что ни взбредет в голову каждому отдельному художнику. Если это «новое» будет нелепо, темно, непонятно, безобразно, тем лучше. Таково именно и должно быть настоящее художество. Никакого смысла у него не спрашивай. Чем бестолковее, чем глупее, тем лучше! Чем несообразнее форма, чем более наперекор природе, действительности, чем невозможнее, безумнее и крикливее — тем более заслуга художника. И таким-то образом картины французских декадентов, а по их примеру и декадентов из некоторых других наций, стали давать такие вещи, на холстах и в красках, которые представляли совершенное повторение безумных *cerfs blancs des mensonges, deuils verts de l'amour, palmes lentes, flammes végétales.*

Но вся эта невероятная чепуха и безобра-

зие приходились по вкусу только тем из публики, кто также и сам был декадент в мозгу и во вкусе своем. Протестов, негодований раздавалось повсюду без конца, так что, наконец, даже историки современного искусства жаловались на эту противную художественную инфлуэнцу и желали поскорее конца заразе.

Даже такой вообще умеренный и осторожный, такой сдержанный, *juste milieu* между художественными писателями и критиками, как Мутер, с изрядным негодованием и оживлением говорит про психопатство, бестолковость, безобразие, истеричность, гнилятину и нелепую вычурность гг. декадентов.

Однакоже гадкая инфлуэнца все более и более исчезает в современной живописи, и что же? Именно когда она везде идет на убыль, кроме немногих декадентских центров, все еще усердствующих по части глупости и нелепости, вдруг хотят эту самую гадкую инфлуэнцу пересадить к нам!

Декадентский журнал даже так расхрабрился, что обещает переверотить у нас все вверх дном. Пока еще журнал не успел по-

явиться, они хвастались печатно, что он «должен совершить переворот в нашем художественном мире, так же как и в публике». Прекрасный переворот! Напаялит нам отношение в других местах отрепье!

Там, по крайней мере, это была своя собственная болезнь, а у нас даже и не своя, а взятая напрокат у других.

В «Петербургской газете» было еще в прошлом мае напечатано «Мнение С. П. Дягилева» (как известно, редактора декадентского журнала) такого содержания: «Русское искусство находится в настоящий момент в том переходном положении, в которое история ставит всякое зарождающееся направление, когда принципы старого поколения сталкиваются с вновь развивающимися требованиями. Отсюда — протест молодых сил, наблюдаемый в парижском Салоне Champs de Mars, мюнхенском Sécession, лондонском New Galery и пр...» Здесь представляется мнение, не очень-то грамотно высказанное, потому что выходит, будто протест французских, немецких и английских декадентов происходит оттого, что русское искусство находится в

«переходном» (небывалом) положении. Но нужды нет, грамотно или неграмотно излагает свое мнение г. Дягилев, во всяком случае оказывается, что переворот должен у нас совершиться, так как люди недовольны в других местах. Какое послушание! Какое смирение! Какая покорность! Там недовольны — давайте и мы станем недовольны! Мы ведь молодцы! Ни от кого не отстанем! Никому не дадим наступить себе на ногу.

Однакоже какая это прекрасная роль, быть лакеем-копиистом! Да еще с фальшью на каждом шагу!

Обыкновенно как сами декаденты (в том числе и наши), так и их защитники указывают с особенным торжеством на то, что у них всегда на первом плане, всегда самое главное — всегда, всегда что-то новое, неслыханное и невиданное. Это многих уже заранее восхищает, это многих приводит в восторг, еще ничего не издавши. Да и правду надо сказать, что «новость» — вообще говоря, хорошее и прекрасное дело, интересное и важное, к которому нельзя не стремиться, того требует натура всякого человека. Но новость ново-

сти — рознь. Надо разбирать, надо взвешивать, надо понимать, не надо быть слепым и бестолковым. Посмотрите, иная курица влезет на навозную кучу, повертит там головой во все стороны, поковыряет лапами и клювом, а потом, слезая прочь, оставит на навозе что-то такое на память о себе, вроде того, как, по словам Гоголя, у нас оставляют на лестницах собаки и кошки. Это все «новости», только спрашивается: неужели это и в самом деле такие драгоценности, на которые надо взирать с восторгом и с восхищением?

Наши декаденты обещались произвести «переворот». Ах, как хорошо, ах, как бесподобно! Какое счастье! Посмотрим же, посредством чего они собираются делать свой переворот. Мне кажется, об этом мы имеем уже право теперь судить, так как декадентского журнала вышло уже четыре номера (в двух выпусках). Времени и места было довольно. Что же мы видим?

В этих четырех номерах главную роль играют нелепости, безобразия и гадости.

К первым принадлежат произведения гг. Коровина и Малютина. Оба эти художника —

люди с дарованием, со способностью, но, по-видимому, совершенно бесхарактерные и способные делать, что им ни велят, что им ни закажут. И у того, и у другого мы видали очень хорошие вещи, когда они работают по собственной охоте, по собственному внушению. Это особенно декорации, и еще особеннее — изображения древних и старинных русских построек, каменных и деревянных, снаружи и внутри. Оба проявили в этом роде много живописного, характерного, своеобразного, в самом деле национально-русского. Это мы говорим про многие декорации Мамонтовского театра в Москве, в древнерусском стиле, и про иллюстрации к нескольким русским сказкам и легендам. Но когда им велят делать (или, может быть, они сами вздумают), сочинять что-то в «декадентском вкусе» — они становятся ужасны. Так, например, изображение «деревни» (вероятно, русской) наверху обложки журнала состоит у г. Корвина из таких изб, из таких кустов, из такой перспективы и такого неба, какие может нарисовать разве что трехлетний ребенок, в первый раз взявший карандаш в руки и толь-

ко несуразно марающий бумагу. Внизу той же обложки поставлен г. Коровиным какой-то штемпель из двух переплетающихся рыб, который может быть очень хорош для японцев и для склянок с мазью у какого-нибудь фабриканта, но в художественном журнале (даже плохом) не должен бы сметь показываться. Подобные же «штемпеля» расписаны и на других страницах декадентского журнала, причем опять-таки опять выбрано у даровитых, вообще говоря, художников все, что только есть у них самого негодного. Так, например, в обоих выпусках журнала напечатаны такие виньетки даровитого норвежского живописца Мунте, такие виньетки, от которых ему можно было бы только краснеть во всю щеку, и правую и левую. На странице 17-й, 18-й, 19-й, 20-й и 22-й помещены штемпеля, красные и черные, представляющие невероятную чепуху и вздор: какие-то нелепые, уродливые звери, птицы и рыбы, в искаженных позах и линиях, какие-то ряды костлявых рук, ни с того, ни с сего держащих мечи — трудно понять, что это за редактор такой, у которого вкус есть ко всем этим уродливо-

стям и который любовно помещает их у себя. Потом далее тот же г. Коровин появляется с двумя рисунками, в красках, предназначенными «для майолик». Чтобы кто-нибудь согласился употребить когда-нибудь эту безалаберную чепуху в дело — и представить себе нельзя! Разве какой-нибудь Поприщин из сумасшедшего дома. Я еще не видал ни одного человека, который, глядя на эти «майолики», не пожимал бы плечами и не восклицал в сердцах: «Что это такое! Что это такое! Или над нами смеются?» В одном случае — какое-то подобие старого русского города, со стенами, кремлем и башнями, с миллионом теснящихся крохотных вдали домов, — но все это так безумно, все это так безобразно, что ни глаза, ни ум ничего разобрать не могут и видят только сотни разноцветных, ни с чем не связанных точек. В другом случае — являются семь белых, совершенно случайных, но совершенно одинаковых пятен в ряд — поймай, что это корабли; сзади намараны, в ряд же, безобразные бурые пятна, промазанные сверху, от времени до времени, золотой черточкой — разумею, что это море. Опять, но

только еще пуще, приходится пожимать плечами и думать, что и г. Дягилев, вместе со своим рисовальщиком, над нами потешается и в кулачок смеется. Немножко подальше, другой декадентский подданный г. Дягилева, г. Мэлютин, рисует такой «изразец», которого, конечно, никто никогда не станет выполнять в натуре, а только швырнет через забор, какдохлого котенка. Представьте себе подсолнечник, но не настоящий, какие есть в самом деле на свете, а такой, какой может рисоваться только в декадентском воображении: на кривом, гнусном, искалеченном стебельке. И как он стоит, только подивиться можно: внизу стебель этот ползет словно червяк по земле; по сторонам его — гнилые цветки, тоже на червяках, вверху — лиловая, гадкая тряпка, повисшая в воздухе—это туча, должно быть «зловещая туча», конечно, что-то мистическое, таинственное, без сомнения что-то с глубоким, глубочайшим содержанием. Фи, какая все это вместе глупость и гадость! И как это издатели соглашаются давать свои деньги на такие постыдные траты, на такие глупейшие рисунки!

А что курьезно, так это вот что: майолики и изразцы декадентского журнала возбудили такое отвращение и негодование русской публики, что редакция уже не посмела более поместить еще что-нибудь подобное в своем втором выпуске.

Была недавно в Москве талантливейшая художница Ел. Дм. Поленова, создавшая на своем веку много талантливого, чудесного, в русском, глубоко национальном стиле. Она скончалась недавно, оставив после себя много замечательного (я надеюсь скоро иметь случай говорить о ней подробно). Что же! Редактор декадентского журнала ничего лучше не нашел в ее наследстве, для первой своей публикации о ней, как уродливейшие узоры «для обоев» и «для вышивания», в которых нет ни склада, ни лада и которые способны дать о покойной замечательной художнице лишь самое безобразное понятие. Она сочиняла превосходные мебели в русском стиле: редактор декадентщины ничего лучше не сумел выбрать, как плохонький, ордиарненький шкафчик, у которого только и есть порядочного, что внутренняя часть створки, но и

там опять на сцене «подсолнечник*», любимое чадо декадентов, выпускаемый у них на свет божий каждую секунду, при всех возможных случаях, при каждом удобном и неудобном случае.

Да что Ел. Дм. Поленова! Самого даже Васнецова, этого столько значительного, во множестве отношений, художника, редакция ухитрилась представить, во многих рисунках, с очень невыгодной стороны. Конечно, на первой же странице издания она поместила превосходную новейшую его картину „Богатыри“ из Третьяковской галереи, но тут же рядом сколько вещей посредственных, иногда даже слабых: например, изображение св. Прокопия Устюжского (кажется, уже почти всеми, в один голос, считается это изображение карикатурным), „Битва скифов“, этюд мужской фигуры с вытянутыми вверх руками, этюд схимника, рисунок блюда в каком-то совершенно условном стиле и т. д. Какая во всех этих выборах проявляется неумелость, непонятливость и отсутствие вкуса у редактора! Можно только безмерно удивляться.

Во втором выпуске является целый ряд

произведений иностранных художников. Но опять-таки, что за ужасный, бестолковый выбор! Вдруг перед нашими глазами „Надежда“ Пювис де Шаваня, тощая как скелет, уродливая, исковерканная, с противным, глупым лицом, сидящая вся нагая, на какой-то простыне, до гадости условно разложенной на холмике, но зато с нелепым цветком в руке, который она показывает зрителю. О, чепуха несносная и глупость беспредельная! Над этой „тощей надеждой“ — другая дрянная картина того же Пювис де Шаваня: „Священная роща“, на обороте еще подобная же „Блаженная страна“. Что может быть казеннее, академичнее, деревяннее и скучнее этих храмов, этих то голых, то задрапированных женщин, этих лжеантичных гениев или ангелов, летящих по небу — о боже, что это за тоска и уныние поселяется от всего этого в голове!

Нет, я не могу больше. Я теряю всякий кураж и терпение. Я собирался было просмотреть, одну за другою, все прелести обоих выпусков декадентского журнала, нонет — это выше сил моих. Когда-нибудь в другой раз (может быть, по поводу следующего выпуска)

я опять ворочусь ко всем этим ужасам и нелепостям. Теперь хочу отдохнуть от невыносимой, мучительной скуки и тоски, вроде зубной боли.

Поговорю тогда про всех этих убогих Веренскиольдов, Гюставов Моро, Пювис де Шаваней, Бредслеев, Берн-Джонсов и других, про портреты талантливого нашего Левицкого, которых никогда не следовало бы издавать в фототипиях или как угодно иначе, потому что все их достоинство — в одних красках, а все прочее в них слабо или нехорошо, — они сами сущие фарфоровые жеманные куколки, поговорю также и про хорошие (впрочем, очень немногие) стороны журнала, те, что не декадентские, каковы, например, многие вещи Васнецова, Левитана, дом Игумнова, — а теперь приведу, на прощанье, всего только несколько строк текста, чтобы показать, что такое дает нам декадентский журнал, кроме таких картин и картинок, о которых я говорил.

В первой тетради можно было прочитать такие рацеи: „Идеи, конечно, должны зарождаться в зрителе при виде творения искус-

ства, но они не должны быть богохульно втиснуты в него творцом. Творец должен любить лишь красоту, и лишь с нею вести беседу во время нежного, таинственного проявления своей божественной природы“.

Неужели не ужасна вся эта бездарная тарбарщина декадентства? Неужели и взаправду на такую чепуху и вздор нам надо менять прежнее искусство, здоровое, верное природе жизни, правдивое, глубокое, искреннее? Это равнялось бы повальному отправлению всего света в сумасшедший дом, в дом дурачества.

Но довольно. Непримируемая вражда — этому негодному декадентству со стороны всякого здорового, еще не искривленного в мозгу человека!

Это все какие-то темные совы, нищие духом, купающиеся во мраке и упивающиеся непроходимой чепухой.

Ах, если бы все тут рисованное и писанное было по крайней мере свое, — а то даже и этого утешения нет!

1899 г.

КОММЕНТАРИИ

«НИЩИЕ ДУХОМ». Статья впервые опубликована в 1899 году («Новости и биржевая газета», 5 января, № 5).

Это выступление Стасова против вышедшего в свет воинствующего декадентского журнала «Мир искусства». Организатором и редактором журнала был С. П. Дягилев — активный проповедник реакционной идеалистической эстетики, пропагандист упадочного буржуазного искусства Запада, ненавистник русского реалистического искусства, — который совместно с А. Бенуа, К. Сомовым и Л. Бакстом организовал декадентскую группу художников. Журнал «Мир искусства» издавался на средства княгини М. К. Тенишевой и С. И. Мамонтова. В центре внимания деятелей журнала была борьба за пропаганду упадочного декадентского западноевропейского искусства, направленная в первую очередь против русского реалистического демократического искусства, против передвижников главным образом. «Чистое», якобы отрешенное от

задач жизни, безидейное искусство, пропагандировавшееся группой «Мир искусства», являлось выражением настроений декадентской буржуазно-дворянской интеллигенции, тех «нищих духом», которые в годы подъема революционного рабочего движения и подготовки первой русской революции, не видя ничего хорошего в настоящем, не веря в будущее, чреватое революцией, терзаясь тоской по далекому прошлому, звали пойти на выучку к буржуазному, теперь уже империалистическому Западу. В статье Паспарту 1898 года были изложены мнение Дягилева по поводу состояния искусства и его убеждение в том, что русское искусство должно пойти по стопам французских, немецких и английских декадентов («Петербургская газета», 27 мая, № 141). На эту позицию Дягилева и указывает Стасов в своей статье. За безидейными устремлениями эстетов фактически скрывалось преклонение перед старым и реакционным в искусстве, пресмыкательство и раболепие перед упадочным искусством Запада. Их взгляды на практике вели к потере национальной самобытности, народности русского

искусства. Стасов, всю жизнь решительно, страстно борясь за торжество национального русского демократического искусства, сумел и в группе «Мир искусства» разглядеть его врага. Само заглавие статьи «Нищие духом» прекрасно вскрывает позиции Стасова, видевшего в русском передовом реалистическом искусстве, вдохновляемом великими идеями, силу могучего духа русского народа. Решительно и резко разоблачая упадочное декадентское искусство Запада, которое представителями «Мира искусства» провозглашалось как последнее «откровение», и горячо отстаивая достижения русского реалистического искусства, Стасов вместе с тем в своей статье убежденно доказывает, что искусство декадентов не поддерживается и никогда не будет поддержано и передовыми представителями народов Запада: «Западным людям их декаденты столько же противны и тошны, как нам наши, и они от них отплевываются с такой же досадой и негодованием, как мы от наших».

Следует отметить, что представители «Мира искусства» выступали и против Академии

художеств. Стасов решительно отвергал и эти их позиции (см. статью «Чудо чудесное», т. 3). Признавая, что в современных (по тем временам) условиях «рознь» между художниками и борьба между различными течениями в искусстве есть явления, обусловленные историческими причинами, он считал правильной и закономерной ту борьбу, которая ведется во имя реалистического искусства, интересов народа (см. статью «Хороша ли рознь между художниками?» и комментарии к ней, т. 3).

В борьбе против декадентов Стасов активно выступает против их попыток исказить подлинную природу передовых реалистических произведений современных художников.

Таков смысл его указаний в данной статье на картину «Богатыри» Васнецова (см. также статью «Мой адрес публике», т. 3).